

Лев Гонор, первый директор НИИ-88

К 110-летию со дня рождения

Михаил КОВБИЧ, Николай ДОРОЖКИН

В этом году ЦНИИмаш отметил свой 70-летний юбилей. В статьях и докладах, посвящённых этой дате, названы имена всех руководителей предприятия. Первым директором института был Лев Рувимович Гонор (1906 — 1969) — Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии 1 степени, кавалер трёх орденов Ленина, орденов Кутузова 1 степени, Отечественной войны 1 степени, Красной Звезды и других государственных наград. Он возглавил НИИ-88 15 августа 1946 года.

Лев Рувимович Гонор родился 15 сентября 1906 года в местечке Городище Черкасского уезда Киевской губернии. В 1925 году поступил в Ленинградский военно-механический техникум, вскоре преобразованный в институт, и успешно окончил его в 1929 году с квалификацией инженера-механика по артиллерийскому вооружению.

Лев Рувимович Гонор окончил артиллерийского завода №9 в Свердловске, организованного на основе оборудования и кадров, в основном, эвакуированных из западных районов СССР. Завод вскоре стал передовым предприятием отрасли. Л.Р. Гонору в числе других руководителей оборонной промышленности было присвоено звание генерал-майора, и он был награждён полководческим орденом Кутузова.

С.П. Королёв и Л.Р. Гонор в салоне самолёта.

Начав работу на ленинградском заводе «Большевик», который к этому времени стал производить орудия крупного калибра для ВМФ, Гонор быстро прошёл путь от мастера до главного инженера (назначен в 1937 году). А в 1938 году директором завода стал Д.Ф. Устинов. Возглавляемая им команда (главный инженер Л.Р. Гонор, секретарь парткома В.М. Рябиков, главный технолог М.А. Минков), проведя в короткие сроки реконструкцию завода, добилась перевыполнения государственных планов.

В 1939 году Л.Р. Гонор по персональному поручению И.В. Сталина был назначен директором Сталинградского артиллерийского завода «Баррикады», также производившего орудия крупного калибра. Завод считался одним из лучших предприятий Наркомата вооружения. Но перед самой войной было выявлено, что у Красной Армии не хватает новых орудий среднего калибра, и было решено перевести завод на их массовое производство. Этот перевод был успешно осуществлён уже после начала войны — всего за два месяца. Завод работал до осени 1942 года даже в ходе уличных боёв в Сталинграде. В считанные дни Гонор сумел под огнём и бомбами врага провести эвакуацию оборудования и персонала. Директор отбыл на другой берег Волги на последней барже. Инженеры и рабочие были направлены на артиллерийские заводы Урала и Сибири.

В ноябре 1942 года Л.Р. Гонор был назначен директором Ураль-

После победы Л.Р. Гонор был директором завода «Большевик». Однако Д.Ф. Устинов уже начал готовить кадры артиллерийских специалистов к новой для них работе, посылая в Германию для знакомства с немецкими достижениями в ракетостроении. Над их освоением работала экспедиция советских специалистов. После командировки Л.Р. Гонор был назначен директором вновь образованного НИИ-88. В необходимости именно этого назначения И.В. Сталина убедил Д.Ф. Устинов.

Касаясь истории создания самого НИИ-88, Л.Р. Гонор писал в своих воспоминаниях о совещании у И.В. Сталина в апреле 1946 года: «...слушался вопрос о работе Министерства вооружения (переименовано в марте) по реактивным системам. Д.Ф. Устинов доложил о создании КБ на базе завода №88... о переводе туда около ста конструкторов с других предприятий, о работе отдельных групп различных ведомств в Германии с целью изучения немецкой реактивной техники, о задержке отторжения земель в районе Сталинграда под новый полигон с обеспечением дальности 210 км... Иосиф Виссарионович сказал: «Такие темпы нас не устраивают. Надо менять сам подход развития научно-исследовательских и практических работ в этой непросто области...» В конце он предложил создать группу специалистов для подготовки определённого постановления Совета Министров СССР. Такое постановление бы-

ло нами подготовлено и подписано И.В. Сталиным 13 мая 1946 года».

В августе 1946 года в НИИ-88 были также назначены главные конструкторы образцов ракетной техники и другие руководители основных подразделений института, многих из которых Гонор уже знал по совместной работе. Лев Рувимович сразу же активно включился в организационно-производственные дела, связанные в основном со строительством и оборудованием новых производственных цехов, экспериментальных установок, испытательных стендов. Специалистов ракетной техники в институте почти не было, и Гонор сразу же выделил среди главных конструкторов С.П. Королёва, поскольку Сергей Павлович имел почти 15-летний опыт работы с жидкостными ракетными двигателями и летательными аппаратами. Более того, С.П. Королёв не замыкался на своих должностных обязанностях, а помогал директору осваивать новую, совершенно отличную от артиллерийской научно-техническую проблематику и старался принять непосредственное участие во всех общепромышленных делах.

Заводской опыт Л.Р. Гонора оказался весьма востребованным на этапе становления института. Обладая высоким личным авторитетом, огромными связями в оборонной и смежных отраслях промышленности, опираясь на поддержку Д.Ф. Устинова и большие полномочия, он обеспечил главным конструкторам необходимые условия для воплощения их разработок на практике. В нужные им сроки он добился от проектно-строительных организаций ввода в строй новых испытательных и производственных мощностей, обеспечивал пополнение кадрами их коллекти-

вов, для чего представители отдела кадров в поисках талантливой молодёжи командировались по всем научным и промышленным центрам страны.

Л.Р. Гонор обладал особым талантом договариваться со смежными организациями о выполнении необходимых для института работ, даже в тех случаях, когда они пока не были включены в планы этих предприятий, а только ещё намечалось это сделать. Именно у него научился этому умению С.П. Королёв, что так пригодилось ему в дальнейшем.

Лев Рувимович успешно справлялся также с ролью и научного руководителя института, и председателя его научно-технического совета, в который входили многие выдающиеся специалисты, ведущие сотрудники НИИ-88 и ряда смежных академических и военных учреждений. Программы и планы работ института в 1947 — 1949 годах выполнялись успешно, особенно по тематике ракет дальнего действия. Уже в 1947 году 3-й отдел, руководимый С.П. Королёвым, вышел в передовые и затем неизменно оставался таковым.

В 1950 году Л.Р. Гонор был назначен директором Красноярского артиллерийского завода №4 им. К.Е. Ворошилова (ныне — Красноярский машиностроительный завод).

В конце 1952 года Л.Р. Гонор был арестован в связи с делом Еврейского антифашистского комитета, где он состоял членом президиума, но твёрдо отверг все обвинения и уже в апреле 1953 года был освобождён и полностью реабилитирован.

В это время по планам развития Центрального института авиационного моторостроения (ЦИАМ) началось создание его филиала — новой экспериментально-испытательной базы в Тураево под Загорском (ныне НИИ-229).

Лев Рувимович Гонор.

Здесь полностью мог быть использован опыт создания испытательной базы НИИ-88, которой Гонору пришлось очень много заниматься. Он был назначен заместителем начальника ЦИАМа и начальником его филиала. Здесь Л.Р. Гонор ощутил себя в родной стихии, и уже в 1956 году в филиале начались испытания турбореактивных двигателей на установках, обеспечивающих условия, соответствующие большим высотам и скоростям полёта.

С 1964 года Лев Рувимович много и тяжело болел, но начальник ЦИАМа академик Г.П. Свищев считал, что даже больной Гонор полезен для развития филиала и поэтому был категорически против его выхода на инвалидность или пенсию.

За заслуги в области создания артиллерийского вооружения в довоенные и военные годы Лев Рувимович Гонор был удостоен звания Героя Социалистического Труда (1942), награждён тремя орденами Ленина (1939, 1942, 1944), орденом Красной Звезды (1942), орденом Отечественной войны (1945), орденом Кутузова (1943). В 1946 году ему присуждена Сталинская премия I степени.

Возвращаясь к напечатанному

Отголоски войны

Владимир МАЛЫХ,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДОВ ГОРОДА

Недавно в «Калининградской правде» была опубликована небольшая заметка Степана Давиденко «Отголоски войны», в которой автор сообщает, что в районе застройки в микрорайоне Первомайский на улице Прешловской в земле обнаружен «подарок» из прошлого — снаряд времён Великой Отечественной войны. Правда, в заголовке он называет эту находку «85-мм миномётной миной». Но затем в тексте поправляется и называет уже правильно «снарядом».

Хочу пояснить для наших юных писателей-журналистов, которые с военной техникой не сталкивались. Да, действительно, последнее правильно. Миномётов калибра 85 мм в советской армии не было. А вот «снаряд» — это точно, наш! Мину от снаряда легко отличить даже по внешнему виду, да и в Интернете можно найти массу информации по этому поводу. Дело в том, что орудие калибра 85 мм выпускалось у нас, в Подлипках, на заводе №8, перед войной и до осени 1941 года, до тех пор, пока завод не был эвакуирован в Свердловск (ныне Екатеринбург).

Полное название этого орудия: зенитная пушка образца 1939 года 52-К. Она показала хорошие результаты во время войны и даже использовалась как противотанковое орудие. Но вот как снаряд от этого орудия попал на ул. Советскую? Занести его

не могли, он тяжёлый, где-то под 10 кг. Значит, там он оказался неспроста. Я уже писал, как мною были обнаружены следы пребывания огневой точки на Бурковском поле. Сегодня уже точно известно, что небо над нашим регионом в 1941–1942 годах защищали зенитчики 250-го зенитного артиллерийского полка. В полку было 100 орудий, обычная огневая позиция состояла из пяти орудий. Вот такая позиция и была расположена в 1941–1942 годах на Бурковском поле. По воспоминаниям очевидцев, такие огневые позиции были расположены в Мытищах, Пушкино, Монине, Щёлкове. А вот где остальные, их ведь было 20!

В «Калининградской правде» от 9 июля прошлого года в очерке «Защищая небо Москвы» я рассказывал, что около каждого орудия находился бетонный бункер, где хранился суточный запас снарядов (60 штук). Хорошо, что на Бурковском поле сохранился такой бункер, а вот найти снаряд отдельно, это очень интересно! Значит, где-то рядом должен находиться такой бункер, или он был разрушен раньше. В любом случае такая находка требует внимательного изучения окружающей территории — не было ли здесь огневой позиции этого зенитного полка? Да и просто потому, что это снаряд от наших орудий!

Найти такие позиции, это значит поднять ещё один героический пласт истории нашего города. Хотелось бы, чтобы такие находки не пропадали бесследно! По крайней мере, в таких случаях нужно приглашать кого-либо из сотрудников городского исторического музея или из общества краеведов.